

Шахматовский Вестник. (2010). Вып.10-11. Материалы Блоковских конференций «Стихия и культура» (2008) и «А. Блок и Италия» (2009). Москва: Наука.

NATALIA ARSÉNTIEVA, *Universidad de Granada*

ars_nat@hotmail.com

Подготовленный по материалам двух научных конференций по творчеству А. Блока сотрудниками Отдела русской литературы XIX-начала XX века ИМЛИ РАН, научным советом «История мировой культуры», при участии Гослитмузея «Шахматово», очередной «Шахматовский вестник» вышел в свет под двойным названием «**Стихия и культура. 1908 в контексте жизни и творчества А. Блока**» и «**Блок и Италия**».

По замыслу издателей в 10-й выпуск вошли материалы о контекстах и источниках блоковских образов, дополненные разделами «Песни судьбы: новые аспекты», «Блок до 1908 года» и «Наши публикации»: Александр Блок в русской поэзии XXI века».

Начиная наш обзор с работ о публицистике Блока, отметим высокий научный уровень большинства статей в целом, а также то, что опубликованные в сборнике исследования в силу их строго научного и источниковедческого характера выводят изучение наследия Блока на новые рубежи как в плане углубления в его творческие замыслы, так и в основные тенденции преемственной связи его произведений с русской и западноевропейской художественной традицией. Анализ роли газетных подтекстов в написании статьи А. Блока *Стихия и культура*, проведенный блоковедом **Д.М. Магомедовой**, примечателен наблюдениями в области изучения путей работы с «чужим» текстом в творческой лаборатории поэта и публициста. Написанный под впечатлением газетных публикаций о землетрясении в Мессине, очерк посвящен разработке проблемы кризиса национальной жизни благодаря проведенной в нем параллели между природной и народной стихиями. Имеющий силу исторических хроник, газетный подтекст, по мысли автора статьи, содействовал формированию у Блока концепции «обреченной культуры», став еще одним источником эсхатологического мифа, наряду с апокалиптической герменевтикой ницшеанского дионисийства. Своеобразным продолжением темы, связанной с проблемой судеб культуры и цивилизации в публицистике Блока, является статья **О.А. Богдановой** «Беспочвенность» – черта подлинно русская»: размышления Блока о «земле» в культурном контексте XIX – начала XX века». Раскрывая представления Блока о причинах образовавшейся в его время пропасти между народом и художественной интеллигенцией, исследователь устанавливает, что его взгляды на этот предмет переключаются не только с современниками-символистами, но и с мыслями философа Н. Бердяева. Нигилистическое сознание, пренебрежение к «народу-богоносцу» и отрыв от почвы ведут к пробуждению в нем иррациональных, стихийно-разрушительных начал (по-блоковски, «мщение потревоженных подземных сил»), которые грозят гибелью всей культуре, созданной аристократической средой. В этой горькой истине об опасности народной стихии для интеллигенции и заключается, по мнению О.А. Богдановой, отличие модернистской трактовки темы от ее осмысления классиками русской литературы, прежде всего славянофилами, видевшими в верующем народе источник обновления и духовного возрождения для образованного

общества. Завершает анализ публицистики работа **Н.Н. Примочкиной** под заглавием «Философско-эстетические категории «культура» и «цивилизация» в интерпретации А. Блока», где блоковская концепция культуры, содержащаяся в его публицистике и театре 1908-1910 гг., рассматривается главным образом по контрасту с работами Е. Полетаева и Н. Пунина, идеологами пролеткульта. В противовес этим новоявленным сторонникам дегуманизации жизни и научно-технического прогресса с его культом человека как «технического животного», стандартизацией и роботизацией жизни, Блок отстаивает, как считает автор, нравственно-эстетические идеалы традиционной культуры, опирающейся на достижения искусства и творческой интуиции.

Переходя к работам о драматургии Блока, нельзя не отметить выявленную авторами сборника тесную ее связь с темой народа и интеллигенции, звучащей в публицистике. Так, исследователь **В.В. Королева** рассматривает концепцию механистичности культуры в контексте драмы *Песня судьбы* как трилогии вочеловечения «в миниатюре», связанной с национальным идеалом А. Блока. Образом двоимирия, в котором патриархальная идиллия прошлого противопоставлена inferнальному миру технического прогресса с его бездушными механизмами, уподобленными античным монстрам, Блок близок Гофману-романтику, однако в отличие от Гофмана, он не абсолютизирует демонизм машинного прогресса, по мнению автора работы, сожалея лишь о дегуманизации личности в эпоху технического прогресса и предрекая гибель культуры от ее бездуховности. В статье блоковеда **И.С. Приходько** «Крушение героя» в сознании А. Блока 1906-1908 гг.» сравнительный анализ драматургии и публицистики Блока с целью прояснения генезиса типа героя в его творческой эволюции приводит автора к выводу о том, что культ дионисизма как традиционного героического сознания сменяется у него тенденцией к аполонии «аполлонического» начала, которое противопоставлено как выходу человека за пределы своих возможностей, так и бессильному сползанию вниз. Гармонический идеал самоограничения, смирения с судьбой и человеколюбия складывался у Блока на путях самопознания и познания мира в эпоху катастрофических сдвигов, действия грозных, разбуженных в стихии народной жизни, тектонических сил. Заявившее о себе в пьесе «Песня судьбы» и набросках к незаконченной драме «Дионис Гиперброейский» новое понимание героического, как считает исследователь, возникает у Блока благодаря общению с представителями русского «народознания», прежде всего с его «вытегорским знакомцем» поэтом Клюевым. Продолжая традицию изучения творческих связей Блока и Клюева, заложенную в работах В.Г. Базанова, И.С. Приходько придает ей новое направление, включая их размышления о ценностях народной культуры в философский контекст христианского гностицизма на русской почве. Другой источник идейной эволюции поэта, указанный исследователем, – творчество скандинавских драматургов, критически осмысленное им в статье «От Ибсена к Стриндбергу» и других произведениях изучаемого периода. Ценностные ориентиры Блока – драматурга постоянно менялись в связи с постигшим его на рубеже 1910 года духовным кризисом, считает исследователь **И.А. Ревякина** в статье «Биографические и культурные контексты цикла Возмездие». Об этом говорят изменения как в составе цикла *Возмездие*, в ходе его переизданий, так и хронология помещенных в него стихотворений, отражая эволюцию от безнадежности и отчаяния к внутреннему просветлению. Новая, измененная поэтом последовательность

публикации циклов в окончательном варианте – «Страшный мир», «Возмездие, «Ямбы» – по мнению автора, отражает ту же тенденцию.

В особый раздел можно было бы выделить статьи, изучающие художественное наследие Блока в русле его связи с ведущими литературными направлениями его времени. Близость поэзии Блока творческим установкам немецкого символизма находится в поле зрения венгерской исследовательницы **Марии Дёньдёми**. Сходная трактовка целого ряда тем в творчестве Георге, Гофманстала и Рильке, по ее мнению, обусловлена общим, свойственным литературному модернизму, тяготением к мифопоэтике, увлечением идеями Ницше и озабоченностью мыслями о кризисе современной цивилизации. К недостаточно изученной теме творческих связей Блока и Сологуба обращается исследователь **О.А. Лекманов**. На основе сравнительного анализа стихотворений «День проходил, как всегда...» и «Все было беспокойно и стройно, как всегда...» отражающих тему бессмысленного круговорота бытия, он делает вывод не только о различии в мировосприятии поэтов, но и о несомненно присущей им внутренней близости, выраженной в образно-экспрессивной системе их поэтики. Степень причастности Блока к поэтике экспрессионизма выясняет в своей работе о стиле А. Блока **Н.А. Молчанова**. Неразработанная в должной мере, эта тема представляется исследователю весьма актуальной, позволяющей отнести отдельные произведения поэта к творческой практике экспрессионизма, авангардистского течения начала XX века, представителями которой были на русской почве в значительной мере Л. Андреев и В. Маяковский.

Целый блок исследований посвящен анализу мифопоэтики русского поэта и драматурга. Работа **Дануше Кшицовой** «Блок между поэзией и драматургией» раскрывает тему романтического двоемирия, объединяющую цикл малых блоковских драм «Балаганчик», «Король на площади» и «Незнакомка» с его поэтическим миром в сочетании с трактовкой проблемы «двойничества», мифологем «красоты» и «смерти». Сравнительным анализом символики и интертекстуальных связей этих произведений с поэтикой западноевропейского живописного и литературного авангарда исследователь вносит существенные уточнения в осмысление их ключевых символических образов. Не менее плодотворный интерес к символической детали характеризует статью **А.Е. Рыловой** «Плат/платок в лирике и драме «Песня судьбы»». Анализ хроматической символики Блока, связанной с образом платка во всем разнообразии ее смыслов и значений служит, на наш взгляд, важным дополнением к осмыслению женского образа России у Блока. Несколько размытым представляется нам предмет исследования в работе О.В. Февралевой «Земля и труд на земле», значимой соотношением образа матери в «Песне судьбы» с мифологемой «Матери сырой земли» и прояснении ее роли в семантике пьесы, что говорит о глубокой связи драматурга с русским фольклором, но этот мотив нуждается, как нам кажется, в более четкой и детальной проработке в соотносительности с библейским и «софийным» контекстами, упомянутыми в работе. В статье «Культурема в образной системе «Песня Судьбы» А. Блока» **Н.Н. Примочкина** ставит своей задачей рассмотреть культурные реалии, содержащиеся в ремарках драмы «Песнь судьбы» как элементы блоковской картины мира, используя понятие «культурема». «Культурема» в понимании исследователя – это не только те или иные феномены, связанные с культурной традицией, но в известном смысле даже

действующие лица, каждое из которых является носителем определенной социально-культурной роли или представления о мире. Это означает, в частности, что термином «культурема» автор статьи называет мифологического героя. Так, исследователь видит Германа в функции «культурного героя», призванного упорядочить беспорядочный и ввергнутый в хаос окружающий мир как культурный космос. К «культуремам» отнесены Н.Н. Примочкиной также литературные аллюзии, которые по существующей традиции принято рассматривать в рамках «интертекстуальности» по давно разработанным методикам. То, что обозначено ею как «визуальные культуемы», по существующей в работах по теории литературы классификации, относится к интердискурсивным элементам текста. Выделенные же в особую группу «биографические культуемы» обычно называют автобиографизмом. Возникает вопрос, правомочно ли придавать понятию «культурема», которое имеет свой объем и границы и активно используется прежде всего специалистами по семиотике и теории перевода, столь универсальное значение в области литературоведения, и преподносить в качестве нового критерия анализа текста, а так же, не дав, в сущности, собственного определения этого термина, противопоставлять его «мифологеме» как «символ» «знаку» (стр. 106), что уже само по себе странно, ибо «символ» в переводе с греческого (σύμβολον) и есть «знак». Не задействованным в анализе текста оказывается и «бахтинский» тезаурус. Все сказанное, однако, не умаляет интересных наблюдений по поэтике изучаемой пьесы, раскрывающих ее аллюзивный контекст и способы выражения авторского сознания. Не менее содержательны и работы о поэтическом стиле А. Блока, как правило, обращенные в русло изучения его генетической природы. Статья **Т.В. Игошевой** посвященная традиции христианских «имяславцев» в ранней лирике Блока, раскрывает генезис символики имен собственных возникшей как элемент поэтики в результате влияния христианских представлений о духовной сущности божественных имен, берущих начало в трактате богослова Дионисия Ареопагита. Так, в блоковской герменевтике имени «Любовь», по мысли исследователя, заложена семантика новозаветного изречения «Бог есть любовь» из *Евангелия от Иоанна*. Затронута в статье и возможная связь Блока с традициями греческого неоплатоника Плотина. Вместе с тем, учитывая интерес поэта ко всякого рода мистике и заговорам, отмеченный в работе, было бы небезынтересно, на наш взгляд, рассмотреть и степень знакомства поэта с учением Прокла о магических именах. На чисто интуитивном уровне затронута в статье **В.Б. Миклушевича** «Кто «мчится по ржи» нуждающаяся в дальнейшей разработке проблема фольклорно – мифологического и христианско-апокалиптического генезиса символики образа «Девы» в лирике Блока, а также его связь с семантикой некоторых позднеантичных религиозных течений. Статья еще раз свидетельствует о высокой степени интертекстуальности блоковской поэтики.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что опубликованные в 10 выпуске *Шахматовского сборника* материалы исследований ведущих отечественных и зарубежных блоковедов полностью отвечают отмеченному в предисловии подходу к анализу творчества публициста, поэта и драматурга: «конкретизация проблематики помогает углубленному изучению отдельных произведений Блока и связанных с ними аспектов поэтики и мирознания художника» .

11 выпуск Шахматовского сборника под названием «**А. Блок и Италия**»

всесторонне освещает восприятие итальянской культуры в творчестве русских модернистов в целом и Блока в частности. Не вдаваясь в подробный анализ содержащихся в этой объемной публикации материалов, отметим отраженные в ней основные направления исследований и их тематику. Особое место в сборнике занимает издание путевых записок Вяч. Иванова под названием «Д.М. Иванова (Дневник путешествия Вяч. Иванова по Сицилии)». Помещенное в раздел «Наши публикации» и подготовленное **Н.В. Кострелевым** по рукописи писателя, это произведение, отнесено издателем к жанру «записок о путешествии». Судя по материалам *Дневника*, а также другим опубликованным в сборнике работам, пребывание в Италии сыграло важную роль в творческой эволюции Блока, став в значительной степени творческой передышкой, во время которой были развеяны некоторые иллюзии, связанные с отрывом от почвы и утверждены новые истины. В статье **Д.М. Магомедовой** о творческом замысле блоковской книги *Молния искусства*, показано, как формировалась ее структура и содержание под влиянием итальянских впечатлений. Работа **А.Б. Шишкина** раскрывает смысл и значение последнего периода творчества Вяч. Иванова, связанного с пребыванием в Италии. В этот переломный момент у Блока возникают идеи и творческие замыслы, связанные главным образом с осмыслением им темы творческого пути, смысла искусства и призвания художника.

Основной корпус исследований составляют работы о цикле *Итальянские стихи* как в плане анализа его генезиса (**В.Н. Быстров**), семантики и художественной структуры (**О.В. Зырянов**) так и в отношении преемственности с творчеством русских поэтов – романтиков (**Л. Пильд**) а также в сравнительном аспекте путем сопоставления итальянских стихотворений Блока и Городецкого (**Т.В. Щербакова**). Мотиву постижения эротического начала в искусстве эпохи Возрождения, отраженному в цикле «Итальянских стихов», уделено значительное место в работе **А. Паймана** «Италия как призма для России в «Итальянских» стихах А. Блока». Из целого ряда исследований явствует, как тесно переплелась отечественная и зарубежная романтическая рецепция Италии с символикой поэзии, драматургии и публицистики Блока. **О. Ронен**, к примеру, прослеживает, как Блок идет по стопам Гоголя – романтика в творческом замысле, связанном с образом «России-дитяти». **И.С. Приходько** освещает гофмановские традиции в драматургии Блока на примере анализа ее «венецианской» символики. Сравнительному анализу «венецианской» темы Блока и Манделштама посвящена работа **М. Кшондзер**. Не ускользает от внимания исследователей и живой интерес Блока к восприятию Италии в творчестве его современников. В этом отношении характерен анализ **Н.Н. Примочкиной** отклика Блока на очерк Горького, посвященный землетрясению в Мессине как свидетельство его гуманистической позиции в отношении к людским страданиям по контрасту с равнодушием официальной прессы к трагедии итальянского народа. **Е.Г. Таран** изучает содержание блоковской статьи «Призрак Рима и Monte Lusa» в контексте публикаций журнала «Записки мечтателей».

Особая группа исследований раскрывает образ Италии в культурной концепции Блока и русских символистов. Как можно убедиться из содержания статей, для символистов в целом центром духовного притяжения становится не современная Италия, а культурное прошлое этой страны. Путешествия в Италию в конце начале

XX века были больше похожи на паломничество в Атлантиду древней, средневековой и ренессансной итальянской культуры. Исследователи **С.В. Панов** и **С.Н. Ивашкин** рассматривают основные тенденции итальянской рецепции русских символистов. О специфике рецепции итальянской культуры в творчестве Брюсова, Блока и Вяч. Иванова пишут также **Э.С. Даниелян** и **Ф. Пайман**. Итальянский миф в творчестве Блока выступает предметом изучения в работе **Н.В. Дзущевой** и **В.В. Кулыгиной**. Проекция блоковской культурной мифологемы Италии на современную русскую литературу отмечена в статье **О.В. Соболевой**. В компаративном аспекте эта проблема разрешается у **В.П. Балашова** изучающего итальянский мотив в рассказе французского писателя Пьера Куртада «Конец Италии».

Разработка конкретных аспектов итальянской рецепции русских модернистов и Блока идет главным образом в русле их интереса к итальянской литературе и изобразительному искусству эпохи Возрождения. Влияние *итальянской литературы* на художественное сознание русских символистов сосредоточено в основном на теме рецепции Данте и Петрарки. На примере анализа содержания книги Мережковского «Данте» **В.В. Полонский** проводит типологическое исследование модернистской рецепции дантовского наследия в контексте классики. Образ дантевского творчества, по его мнению, воспринят символистами как эталон подлинно теургического искусства. **К.А. Чекалов** выявляет особенности символистской рецепции дантевского сюжета об истории любви Паоло и Франчески, преломленного в драме Д'Аннуцио «Франческа да Римини», путем анализа ее переводов и герменевтики, выявляя расхождения в эстетических принципах раннего и позднего символизма. Своеобразие блоковского восприятия Данте в сопоставлении с Бродским раскрыто в работе **Н.Г. Прозоровой**. Проблему переложения на русский язык сонетов Петрарки и ее переводческий аспект затрагивает **И.А. Пильщиков**. Не менее представителен и корпус статей и о рецепции итальянского изобразительного искусства у Блока, ставший научным подтверждением его замечания: «из итальянской поездки вынесено было искусство». Программной статье в этом направлении можно назвать работу **С.Д. Титоренко** «Поэтика визуального образа у А. Блока и традиции итальянской живописи Средневековья и Возрождения». Конкретному анализу влияния одной картины Фра Филиппо Липпи на творческое сознание Блока посвящена работа **О.А. Кузнецовой**, которая своеобразно дополняется полемичной статьей **Т.А. Касаткиной** на сходную тему. О живом интересе поэта к живописи Возрождения говорят и проанализированные **Т.В. Игошевой** пометы на страницах прочитанных им книг по истории искусства Возрождения: *История живописи* Р. Мутера (1900). *Культура Италии в эпоху Возрождения* (1904-1906). Я. Буркгардти и *Люди и искусство итальянского Возрождения* Р. Зайчика (1906). Единственной статьей, которая, пожалуй, не вписывается в общий строй «итальянской» тематики является работа **Е. Пагош** «Жизнь – без начала и конца» – «Начала и концы... все, только не середина» (Понятие «середина, «начала и концы» в русском мышлении рубежа XIX – начала XX веков». Всем своим содержанием она отвечает направлению исследований 10 выпуска *Шахматовского сборника* о филолофско-эстетических взглядах Блока 1908-1910 гг., и видимо, попала в следующий, 11 номер, по какому-то недоразумению.

Все работы, помещенные в сборник «Блок и Италия», высоко профессиональны и,

чувствуется, написаны как бы на одном дыхании, отражая действительно живой интерес к обозначенной проблеме Италии как «культурного топонима русского символизма», содержанию цикла «Итальянских стихов», перекличкам и реминисценциям как элементам итальянского интертекста творчества А. Блока. Каждый блоковед и просто любитель блоковского творчества найдет в «итальянском» номере *Шахматовского сборника* массу интереснейших и полезных сведений, почерпнутых из архивных и документальных источников, обогащенных блоковской герменевтикой, знанием и эрудицией его авторов, представляя собой также ценный материал для творческой биографии А. Блока. Завершают **10** и **11** выпуск *Шахматовского сборника* «Хроника Блоковской Комиссии» о проведении в ИМЛИ РАН Международной научной конференции «Стихия и культура 1908 год в контексте жизни и творчества А. Блока», (**И.С. Приходько**) и обзор **В.В. Лазутина** о состоявшейся в ИМЛИ РАН в июне 2009 года Международной научной конференции «Блок и Италия», которые были посвящены памятной дате – 100-летию блоковских текстов 1909 года. В обзорах содержится информация об организаторах этих представительных научных форумов, ходе их проведения, а также о затронутых в докладах научных аспектах жизни и творчества А. Блока.